

сохранение одного типа текста поддерживается распространением другого типа, произведения о св. Вите все же уцелели до поздней эпохи: на славянском юге служба переписывалась даже после введения Иерусалимского устава, а на русской почве Житие сохранились вплоть до эпохи митрополита Макария, причем стало основой для составления нового славянского текста, посвященного сицилийскому святому.

Кириллин В. М. (Москва)

ЧЕТВЕРИЧНОСТЬ КАК ИНДЕКС ТАИНСТВЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ».

Общая филологическая оценка «Сказания о Мамаевом побоище» известна. Констатированы «книжно-риторический», «церковно-религиозный» характер его повествовательной структуры, присущие последней «искусное» сюжетопостроение, эвхологический, библейский, народно-эпический контексты, сочетание метафоричности и документальности, реализма и символики образов, конкретики и гиперболичности деталей, возвышенная поэтическая интонация; определена его идеологическая задача, согласно которой победа на Куликовом поле трактовалась как торжество Добра над Злом, как «возмездие» ордынцам за нашествие на Русь и исполнение русскими воли Божией, как результат их благочестия, мученического подвижничества и героизма ради Христа; выявлена цель последовательных сравнений участников битвы и самого её факта с персонажами и событиями библейской и христианской истории¹.

Всё это верно. Однако, на мой взгляд, ценность подобных наблюдений была бы куда более ощутимой и показательной при чёткой опоре на анализ какого-то определённого текста как конкретного литературного факта. Но ведь только в одном XVI в. «Сказание» бытовало в четырёх версиях — Основной, Летописной, Киприановской, Распространённой, причём все они заметно вариативны и, главное, с разной полнотой воспроизводят его первоначальную — лишь гипотетически представимую — версию².

Наиболее близкой к авторскому варианту произведения сегодня считается Основная редакция, которая, однако, тоже текстуально неустойчива. Исходя из содержания и состава списков, эту редакцию памятника разделяют на несколько групп. И наиболее важными при этом являются тексты группы О, соответствующие списку РНБ. О. IV. 22, и группы У, соответствующие списку РГБ. Собр. Ундольского. № 578³. Оба указанных списка были составлены не позднее 30-х годов XVI в.⁴

¹ Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 426–444; Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 347–355; Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 14, 15, 18, 19, 23, 25, 26, 35, 37, 38; Кусков В. В. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 44–51; Трофимова Н. В. Древнерусская литература. Воинская повесть XI–XVII вв. Курс лекций; Развитие исторических жанров. Материалы к спецсеминару. М., 2000. С. 119–135. См. также соответствующий раздел в кн.: Древнерусская литература XI–XVII вв. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В. И. Корovina. М., 2003. Глава IV. § 2. С. 208–214; Петров А. Е. Анахронизмы «Сказания о Мамаевом побоище» // Письменная культура: источниковедческие аспекты истории книги: Сб. ст. М., 1998. С. 110–130; Петров А. Е. «Сказание о Мамаевом побоище» как исторический источник / АКД. М., 1998. С. 1617; Гардзанти М. Москва и «Русская земля» в Куликовском цикле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2006. № 1 (23). С. 105–112.

² Дмитриев Л. А. Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. С. 449–480.

³ Там же. С. 450.

⁴ Клосс Б. М. Сказание о Мамаевом побоище // Клосс Б. М. Избранные труды. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. Т. II. С. 335, 347.

Сравнение списков указанной редакции показывает, что её текст по варианту У заметно более развит, особенно в окончательных разделах повествования, посвящённых возвращению русских войск после победы на Куликовом поле⁵. То есть структурно и содержательно он наиболее целостен. К тому же, согласно недавно обоснованному мнению, как раз в этом варианте лучше, чем в прочих, отразился оригинал произведения, созданный, может быть, епископом Коломенским Митрофаном⁶.

Не беря на себя смелость подтверждать или отрицать последнее, должен, тем не менее, заметить, что именно означенный текст как литературный феномен, конгениальный, несомненно, по художественному исполнению определённым идейно-эстетическим представлениям и целеустановкам составителя, должен был бы вызвать первостепенный интерес литературоведов. Уж очень он любопытен. И даже странно, что до сих пор он вообще ни разу не подвергался сколько-нибудь внятной литературоведческой оценке.

Надо сказать, решение такой задачи не только назрело, но теперь стало возможным благодаря появлению научно выверенного издания⁷.

Сразу же должен признаться: первая реакция, которая возникает при чтении варианта У Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» — это восторженное удивление. Так поразительно продуманна и гармонична его повествовательная структура, а именно композиционное построение и комплекс образов, деталей, подробностей. И очевидно, что многое в данном тексте предопределено мистико-символическим типом авторского сознания, причём сознания, которое отличало также, но в меньшей степени, и автора первоначальной версии «Сказания».

Убеждающим рефлексом такового, на мой взгляд, является то, что лежит на поверхности исследуемого предмета, а именно настоятельное внимание автора к разным числовым указаниям в ходе его рассказа о Куликовской битве. Сравнительно с общим объёмом текста их не так много. В ряде случаев обыкновенна и их смысловая роль. Например, числами определяется количество: «**И рече єму князь великий: “Дан же ми, отче, два воина от полка своего...”**»⁸; «**Князь же великий поя с собою десять мужь гостен московских сурожанъ...**»⁹; «**...откуда єму прииде помощь, яко противу трех нас вьоружися?**»¹⁰; «**Вою с нами седьмьдесят тысящ кованои рати удаля Литвы...**»¹¹ (этого чтения нет в варианте О¹²). Числа обозначают даты или время: «**Приспѣвѣвшу же четвергу августа 27...**»¹³; «**Часу же второму уже наставшу, начаша гласи трубныя отъ обоих странъ сниматися**»¹⁴. Между прочим, даты иногда даны описательно: «**Князь же великий прииде на Коломну в субботу, на память святого отца Моисия Мурина**»¹⁵. Числа указывают на порядок: «**Сам же взя благословение у епископа коломенскаго, перевозися Оку рѣку; ту отпусти в Полѣ 3-ю сторожу...**»¹⁶. Числами отмечается период времени: «**И ркоша єму бояре его: “Нам, княже, за пятнадесять дни исповѣдали, и мы же устыдихомся тобѣ повѣдати...”**»¹⁷;

⁵ Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла. С. 334.

⁶ Кюсс Б. М. Сказание о Мамаевом побоище. С. 345, 346.

⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского) // Памятники Куликовского цикла / Глав. ред. Б. А. Рыбаков, ред. В. А. Кучкин. Подгот. текста, введ. статья, коммент. и примеч. Б. М. Кюсса. СПб., 1998. С. 134–222. Однако первая публикация данного текста была предпринята девяносто годами ранее: Сказание о Мамаевом побоище / Предисл. С. К. Шамбинаго // ОЛДП. СПб., 1907. Т. 125. С. 13–62.

⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 151. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 31.

⁹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 157. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 34.

¹⁰ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 160. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 35.

¹¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 163.

¹² Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 37.

¹³ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 152. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 31.

¹⁴ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 174. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 41.

¹⁵ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 158. Так же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 34.

¹⁶ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 159. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 34.

¹⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 160. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 35.

«Тои же язык повѣдаетъ: “Уже царь на Күзмини гати... по трех днѣх имать быти на Донѣ”»¹⁸. Числа фиксируют расстояния: «Великому же князю бывшу на мѣстѣ, нареченом Березои, яко за двадесят и три поприща до Донѣ...»¹⁹. Несомненно, в цитированных повествовательных фрагментах числа употреблены по своему прямому назначению — ради документальности и фактографической точности и без каких-либо коннотаций. Во всяком случае, наличие в подобных случаях некоей дополнительной семантики не ощущается.

Совсем иначе обстоит дело с последовательно встречающимся в тексте числом 4. Прежде всего, привлекает внимание настоятельное однообразие его использования.

Так, впервые эта нумерология появляется в «Сказании» в эпизоде, посвящённом первой встрече узнавшего о выступлении Мамаю против Руси князя Дмитрия Ивановича с митрополитом Киприаном. Святитель якобы посоветовал князю откупиться от ордынского темника дарами вчетверо большими, чем обычно: «...вамъ подобает православным христианом, княземъ руским тѣх нечестивых дарми уголяти **четверицею сугубо...**»²⁰.

Затем, описывая первую встречу передовых монголо-татарских отрядов с русскими после переправы последних через Дон, автор «Сказания» почему-то утверждает, будто татарам примерещилось, что войско Дмитрия Ивановича вчетверо больше их собственного: «...**божьем промыслом много видѣша люди** (русских. — В. К.) **и повѣдоша царю своему** (Мамаю. — В. К.), **яко четверицею множае их**»²¹. В Киприановской редакции данное известие отсутствует²².

По знаменательному совпадению с этим соотношением идеально согласуется соотношение убитых в сражении. После битвы князь Дмитрий Иванович, осмотрев место «**побоища**», оказывается, понял, что его воинов было «**вита много, а четверицею поганых**»²³. В Киприановской редакции эта деталь не отмечена²⁴, а в Распространённой изменена: «**седмерицею**»²⁵.

Аналогичный сопоставительный смысл, видимо, имеют и указания, что в ходе битвы видели, как князь Дмитрий Иванович лично сражался «**съ четырием печениги**»²⁶, что после поражения Мамаю «**побеже с четырии мѹжи**»²⁷ (Киприановская редакция указывает неопределённо: «**в мале дружинѣ**»²⁸), что если некогда, согласно утверждению княгини Евдокии, на Калке было убито «**православных христианъ 400000**»²⁹ (в вариантах О и Ермолаевском, а также в Летописной и

¹⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 165. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 37.

¹⁹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 165. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 37.

²⁰ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 144. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 28–29; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 229; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 83; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 54; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 78.

²¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 167–168. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 38; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 239; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 95; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 93.

²² Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 60.

²³ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 184. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 248; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 105.

²⁴ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 67.

²⁵ Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 101.

²⁶ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 182. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 247; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 66; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 100.

²⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 182. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 45; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 247; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 103; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 99.

²⁸ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 66.

²⁹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 157.

Распространённых редакциях этой подробности нет³⁰, исключена она — вместе с текстом плача Евдокии — и из Киприановской редакции), то теперь, по свидетельству князя Владимира Андреевича, против Мамаю выступило войско русских в количестве «**400000 кованои рати**»³¹ (в варианте О и версии по Ермолаевской рукописи, а также в Летописной редакции уточнение о количестве русских войск отсутствует³², в Киприановской редакции: «**вѣщше чѣтырехсот тысящ**»³³, в Распространённой — «**множество избранных витезей**»³⁴).

Наконец, только в рассматриваемом варианте «Сказания» (кроме списка Унд. 578) имеется уточнение о том, что весть о победе русских достигла Москвы «**в четвертын день послѣ бою**»³⁵; только здесь — отличительно от всех других повествовательных версий памятника, составленных в XVI в. (за исключением отчасти Киприановской редакции), — дважды отмечен факт, что, возвращаясь после победы с поля Куликова в Москву, князь Дмитрий Иванович по пути останавливался в Коломне и оставался там «**4 дни**»³⁶ и что, прибыв в Москву, он до своего отъезда к преподобному Сергию также оставался там «**4 дни**»³⁷.

Очевидно, что указанные мелкие подробности зачем-то были нужны составителю текста У. Какие-то он заимствовал из других источников (например, из «Задонщины»), какие-то ввёл в повествование самовольно, но в любом случае факт повторения им числовой детали создаёт эффект нарочитости и специального акцента. И это тем более представляется значимым, что ведь такие детали почти всякий раз условны, а в некоторых случаях, очевидно, гиперболичны.

Между прочим, в тексте «Сказания о Мамаевом побоище» четверицы, приведённые явно, то есть обозначенные лексически, не одиноки. С ними, например, коррелируют последовательно и обычно однотипно введённые в рассказ неявные, описательные четверицы. Например, не раз отмечается, что русскую коалицию против Мамаю возглавляли именно четыре князя: Дмитрий Иванович Московский с братом Владимиром Андреевичем Серпуховским и двое Ольгердовичей, Андрей и Дмитрий. При этом именно текст варианта У особенно насыщен подобными повествовательными формулами:

1. «**Князь же великий нача думати з братом своим княземъ Владимиром и с литовскими князми: Здѣ ли паки пребудемъ или Донъ перевозимся?...**»³⁸ (в Киприановской редакции данная количественная определённость уничтожена: «**Тогда князь великий Дмитрий Иванович призва к себе брата своего Володимера Андреевича, и вся князи, и воеводы, и велможн, и нача советовати с ними...**»³⁹).

2. «**Наченъ же князь великий Дмитрии з братомъ своим съ княземъ Володимеромъ и с литовскими князми, съ Одрнем и з Дмитриемъ Олгердовичи, до 6-го часа полци учрежали...**»⁴⁰ (в Киприановской редакции этого текста нет⁴¹).

³⁰ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 33; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 234; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 89; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 85.

³¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 159.

³² Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 37–38; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 238–239; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 90.

³³ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 60.

³⁴ Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 93.

³⁵ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 186–187 (см. разночтения: сноска XXXIV, 27).

³⁶ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 189, 193. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 70.

³⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 193.

³⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 165–166. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 37; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 238; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 94; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 93.

³⁹ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 60.

⁴⁰ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 168. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 38; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 239–240; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 96; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 93–94.

⁴¹ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 60.

3. **«Князь же Володимер Андреевич ста на костех под черным знаменем и не обрете брата своего великаго князя в полку, токмо литовские князи...»⁴²** (в Киприановской редакции количественной конкретики нет: **«Возвратив же ся князь Володимер Андреевич и ста на костех, и виде множество избиеных... нача князь Володимер искати брата своего великаго князя Дмитриа Ивановича и не обрете его, и внашеся главою своею...»⁴³**).

Нижеследующие описательные количественные указания обнаруживаются только в тексте У.

4. **«Рече же князь великий брату своему Володимеру и князем литовским: Братна моя милаа, пѣнию время, а молитвѣ час!»⁴⁴**.

5. **«Иде князь великий з братомъ своимъ съ княземъ Володимером и с литовскими князми на град Москву...»⁴⁵**.

6. **«И изыде (Дмитрий. — В. К.) из церкви съ своим братом княземъ Володимером и с литовскими князми, поиде въ церковь святых Богородица...»⁴⁶**.

7. **«И поиде князь велики къ отцу преподобному Сергию и з братом своим и с литовскими князми...»⁴⁷**. О поездке Дмитрия Ивановича в Троицкий монастырь сообщает и Киприановская редакция, но без указания на состав сопровождающих его лиц⁴⁸.

Любопытно, что и во главе войска монголо-татар непосредственно на поле Куликовом — правда, согласно только единственному упоминанию — были тоже как бы четыре командира: **«Безбожнии же царь (Мамай. — В. К.) выеѡа на высоко мѣсто с трѣми князми, зря пролития крове человекъскыя»⁴⁹** (в Киприановской редакции иначе: **«Нечестивый же Мамай с пятма князи болшими взыде...»⁵⁰**).

Стало быть, по большинству версий «Сказания» XVI в. выходит, что русская четверица победила четверицу ордынскую.

В памятнике привлекают внимание и другие повествовательные особенности. Например, описание Куликовской битвы здесь, в отличие от «Задонщины» и «Летописной повести», предварено рассказом об удивительных явлениях, которые имели особое, таинственно-предвещательное значение. И опять-таки именно о четырёх таких явлениях сообщает составитель данного текста.

Дважды это были предзнаменования как бы естественного характера. Так, во время переправы через Дон с поля Куликова слышался вой волков, грай галок и орлов, мнилось, будто деревья и трава никли долу. Всё это сулило **«смерть»**, но для **«для поганых»** смерть **«на погибель живота»**, а для **«правоверных»** смерть на радость, во исполнение **«обѣтованиа прекрасныхъ вѣнцовъ, о нихъ же прорече преподобный Сергий»⁵¹**. Вновь то же самое повторилось в самый канун сражения во время гадания воеводы Дмитрия Боброка Вольнца: со стороны мамаева войска слышался людской,

⁴² Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 182. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 45; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 247; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 103; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 100.

⁴³ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 66.

⁴⁴ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 187.

⁴⁵ Там же. С. 191.

⁴⁶ Там же. С. 192.

⁴⁷ Там же. С. 193.

⁴⁸ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 71.

⁴⁹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 177. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 43; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 244; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 101; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 98.

⁵⁰ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 63.

⁵¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 166–167. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 38; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 239; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 95; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 93. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 60.

волчий, птичий «СТУК ВЕЛИКЪ И КЛНЧЬ», — «ГРОЗУ ПОДАЮЩЕ», со стороны русских были «ТИХОСТЬ ВЕЛИКА» и вспышки света («ОТ МНОЖЕСТВА ОГНЕВ СНИМАХУСЯ ЗАРИ») — «ДОБРО ЗНАМЕННО»⁵². Дважды также были поданы предзнаменования мистического свойства. Одно опять связано с Дмитрием Вольнцом. Так, стремясь предугадать итог сражения, он ради особой «ПРИМЪТЫ» приник ухом к земле и тогда уловил рыдания. При этом с одной стороны слышалось, будто «НЪБКЯЯ ЖЕНА» оплакивает «ЕЛЬЯНИНСКИМЪ ГЛАСОМЪ ЧАДЪ СВОИХЪ», а с другой — будто «НЪБКЯЯ ДЪВНИЦА» всхлипнула «АКИ СВИРЕЛЬ ПЛАЧЕВНЫМЪ ГЛАСОМЪ». Всё это, по толкованию тайноведца, указывало на поражение «ПОГАНЫХЪ» и победу «КРЕСТЬЯНЪ» при многом их «ПАДЕЖЕ»⁵³. Одновременно с гаданием Боброка одному бывшему в дозоре русскому воину Фоме (Кацибею) привиделось, как «НА ВЫСОТЪ ОБЛАКЪ» два светлых юноши, явившись «ОТ ПОЛУДЕННЫЯ СТРАНЫ», посекали мечами «НЪБКИН ПОЛКЪ ОТ ВОСТОКА, ВЕЛИКЪ ЗЪЛО»⁵⁴.

Обнаруживаются в «Сказании о Мамаевом побоище» и ещё более скрытые четверицы. Так, его автор, повествуя о Куликовской битве, пользуется весьма развитой системой ретроспективно-исторических образов. Однако в идейном отношении наиболее важны образы, посредством которых демонстрируется историософское значение именно противоборства между московским князем Дмитрием Ивановичем и Мамаем, между Русью и монголо-татарами, между христианством, народом-богоносцем и безбожием, «ПОГАНЫМИ». Данная смысловая антитеза особенно последовательно соблюдена в тексте версии У Основной редакции. Внешне она оформлена как аналогия, содержащаяся в авторской речи или в речи персонажей повествования: с её помощью, условно говоря, настоящее сопоставляется с прошлым, оценивается через таковое. При этом глубина ретроспективного взгляда варьируется: он направлен и в ветхозаветную историю, и в раннехристианскую историю, и в собственную русскую историю.

Принцип сравнительного описания событий реализован уже в начале произведения авторским введением к последующему рассказу о «БРАНИ НА ДОНУ», в котором выступление Мамаю против Дмитрия Московского отождествляется с войной мадианитян против израильтян и с поражением первых израильским судьей Гедеоном⁵⁵ (в Киприановской и Распространённой редакциях это сравнение отсутствует⁵⁶). Данной аналогией автор «Сказания» сразу же обозначает, несомненно, весьма значимое для него тождество: Русь — это Израиль. Другими словами, Израиль как народ Божий в ветхозаветной истории представлялся ему сакральным прообразом Руси — народа Божия в истории христианской⁵⁷.

⁵² Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 171. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 40; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 241; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 97; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 61; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 95.

⁵³ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 172. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 40; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 241–242; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 98; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 61; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 95.

⁵⁴ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 173. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 40–41; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 242; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 98; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 62; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 95–96.

⁵⁵ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 137, прим. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 25; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 226; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 79.

⁵⁶ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 49; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 73.

⁵⁷ Между прочим, формирование идеи об особой роли Руси как предызбрании Творца в Его промысле о мире или как о богоизбранном народе началось, согласно литературным данным, в конце XIV в.: «И умножися слава имени его (Дмитрия Ивановича. — В. К.), яко святого князя Володимера, и въскипе земля Руская в лета княжения его, яко преже обетована Израилю» (см.: Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // ПЛДР: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 210.). Но вполне чёткие черты данная идея обрела к концу XV в.: «Аще убо сице покаемся, и тако же помилует ны милосердый Господь, и не токмо свободит и избавит, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Изманлова сына Ахмета, но нам их и поработит... Тебе

Далее в его тексте подобные аналогии встречаются ещё не раз. Так, оценивая захватнические планы Мамаю, он вспоминает о хане Батые, пленившем Русскую землю подобно тому, как в древности вавилонский царь Навуходоносор пленил Иерусалим, а позднее это же сделал римский император Тит⁵⁸. Затем уже сам «**БЕЗБОЖНЫЙ ЦАРЬ**» в своём послании к Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому собственные завоевательские намерения хвастливо сравнивает с разгромом Иерусалима древним — эпохи Вавилона — халдейским народом⁵⁹ (в Киприановской редакции этого сравнения нет⁶⁰).

Но думается, в контексте настоящего исследования всё же наиболее показательны историософские размышления именно главного героя рассматриваемого произведения и главного защитника Руси Дмитрия Ивановича о его противостоянии коварному и безжалостному противнику. Получив известие о выступлении Мамаю, великий князь, по воле автора «Сказания», молитвенно просит Господа подать ему помощь в борьбе с ним подобно внезапному чудесному избиению ассириян, некогда, при иудейском царе Езекии, осадивших Иерусалим⁶¹ (в Киприановской редакции это сравнение, как и текст самой молитвы, отсутствует⁶²). Далее, в другой своей молитве к Богу, он вспоминает (имея в виду, очевидно, апокрифическое предание) о том, как родоначальник израильского народа Иаков убил своего брата Исаву⁶³, родоначальника идумеев (между прочим, бывших злейшими врагами Иерусалима⁶⁴). При этом важно отметить, что данное упоминание варианта У уникально, поскольку в других созданных в XVI в. версиях «Сказания» его нет⁶⁵, за исключением Киприановской, в которой сюжетно-повествовательная структура рассматриваемого раздела и соответственно ход событий иные.

Итоговое значение в плане ветхозаветных параллелей имеет молитва Дмитрия Ивановича после гадания Боброка и видения Фомы Кацбея о помощи Бога: «...помози нам, яко же Моисѣю на Амалка, и яко Давиду на Голнада, и прѣвому Ярославу на Святополка, и прадику моему великому князю Александру на хвалящегося суромского короля разорити его отчества...»⁶⁶ (в Киприановской редакции текст этой молитвы отсутствует⁶⁷). На мой взгляд, однако, эта молитва является ещё и ключевой. Прежде всего, потому, что в ней упомянуты именно четыре случая божественного заступничества в делах *справедливой* борьбы. Но если учесть содержащиеся в ней библейские сравнения, то получится, что в «Сказании» собственно образ главного героя четырежды представлен в ветхозаветном ретроспективном свете. Причём, согласно воле автора, московский князь сам, лично соотносит себя по своему положению перед лицом утеснителя Руси с древними

же (великого князя Иоанна Васильевича. — В. К.) подастъ нам Господь свободителя новому Израилю, христоименитым людем, от сего окааннаго, хвалящагося на ны, новаго фараона, поганана Ахмата» (Послание на Угру Вассиана Рыло // ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 532, 534).

⁵⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 138. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 25; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 226; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 80; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 50; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 73.

⁵⁹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 142. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 27; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 228; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 82. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 76.

⁶⁰ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 51–52.

⁶¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 144. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 28; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 229; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 83. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 77.

⁶² Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 52.

⁶³ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 145–146.

⁶⁴ Библейская энциклопедия. М., 1990. С. 288–289.

⁶⁵ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 29; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 230; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 84; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 78.

⁶⁶ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 173. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 41; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 242; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 98. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 96.

⁶⁷ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 62.

богоизбранниками и защитниками Израиля — Езекией, Иаковом, Моисеем и Давидом, как бы осознавая своё наследническое значение по отношению к ним. Тем самым, видимо, составитель литературного памятника подчёркивал, что победа Дмитрия Ивановича над Мамаем есть так же, как и победы древних библейских героев, исполнение промысла Божия.

Между прочим, в цитированной молитве великий московский князь сопоставляет себя также с прежними русскими князьями — Ярославом Мудрым и Александром Невским, припоминая при этом об их борьбе соответственно со Святополком Окаянным и шведским королем Эриком Эриксоном. И опять-таки имеет место удивительная повествовательная последовательность. Оказывается, на подобное тождество в «Сказании» наряду с приведённым сравнением указано ещё три раза. Сначала устами союзников Москвы князей Дмитрия и Андрея Ольгердовичей в дни подготовки к походу: **«Аще хощеши, княже, крѣпка воиска, то повели возитися за Дон... Ярославъ перевозися рѣкѣ, Святополка побѣди, и прадѣдъ твои князь великий Александръ, иже рѣкѣ перебрѣде, короля побѣди...»**⁶⁸ (в Киприановской редакции этого сравнения нет⁶⁹), затем в радостной речи о победе, обращённой после битвы князем Владимиром Андреевичем к раненому Дмитрию Ивановичу: **«Радѣися, княже нашъ, другини Ярослав, новын Александръ...»**⁷⁰, наконец, в приветствии митрополита Киприана в момент триумфального прибытия победителей в Андроников монастырь, воспроизводимом, между прочим, только в тексте У: **«Радѣися, княже нашъ... Новын еси Александръ, вторын Ярославъ...»**⁷¹. То есть, выходит, и данная историческая аналогия введена в текст рассматриваемой повествовательной версии «Сказания» четырежды и через посредство четырёх персонажей повествования.

Не столь нумерологически определённо ретроспективный взгляд составителя исследуемого текста обращён к раннехристианской истории. Дважды Дмитрий Московский соотнесён в нём со святителем Василием Великим, причём сначала в речи митрополита Киприана⁷², а затем почти слово в слово в речи самого князя, воспроизведённой только в тексте У⁷³. И дважды Дмитрий Иванович сопоставляется с византийским императором Константином Великим — в просительных молитвах перед боем, сначала в общей, всего русского воинства: **«Боже... дарѣи православному князю нашему, яко Константинѣ, побѣду...»**⁷⁴ (эта молитва, и соответственно сравнение, отсутствует в Киприановской редакции), затем в его личной: **«Тевѣ... надѣюся... крестѣ, иже симъ образомъ явися... Константинѣ...»**⁷⁵. То есть всё-таки получается, что в целом принцип четверичной апелляции к прошлому применительно к образу главного героя описываемых событий в тексте варианта У Основной редакции «Сказания» выдержан. И замечательно, что здесь отсутствует (подчёркиваю это!) ещё одна аналогия с раннехристианской историей. Так, согласно тексту О и Ермолаевскому списку Основной редакции, а также Летописной и Распространённой редакциям, великий князь в речи к войску перед началом битвы,

⁶⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 166. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 37–38; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 238–239; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 94–95; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 93.

⁶⁹ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 60.

⁷⁰ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 183. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 248; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 67; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 100.

⁷¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 190.

⁷² Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 145.

⁷³ Там же. С. 189.

⁷⁴ Там же. С. 169. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 39; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 240; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 96; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 94.

⁷⁵ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 175. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 42; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 243; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 99; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 96. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 63.

настаивая на идее своего личного и ответственного единства с подвластным ему народом, вспоминает о мученической смерти при царе Юстиниане воеводы Арефы, вместе с которым были убиты и его воины⁷⁶. Начало и конец этой речи в тексте У сохранены, а вот всю историческую её часть с рассказом о мученичестве составитель последнего убрал⁷⁷ — возможно, именно ради соблюдения избранного им четверичного структурного принципа (в Киприановской редакции данная речь отсутствует целиком).

Кстати, показателен и экскурс в историю столкновения епископа Кесарии Каппадокийской Василия с древним гонителем христиан римским императором Флавием Клавдием Юлианом, прозванным Отступником. Этот экскурс делает митрополит Киприан во время первой своей беседы с Дмитрием Ивановичем. Он советует князю попытаться сначала остановить Мамаю увеличенным вчетверо откупом. И если данное средство не поможет, то, по убеждению святителя, с Мамаем произойдет согласно сказанному: «Господь грьдымъ противитсѧ, а смиреннымъ даетъ благодать». Уверенность в своей правоте Киприан иллюстрирует примером: «Тако же случися великому Василию в Кесарии. Егда отступникъ Ульянъ идыи в Персь и хотя разорити град его, Василии же помолися Господу Богу съ всеми христианы, и собра много злата, и посла к нему, дабы ѹтолити того преступника. Онъ же паче възъярився. Господь же посла на него воина своего Меркурия, и изби их Меркуриею Божию силою — злаго отступника Ульяна съ всеми силами его. Ты же, господине, возми злато, еже имаши, пошли противу его»⁷⁸. Этим примером вместе с тем противопоставление «Василий — Юлиан» отождествляется с противопоставлением «Дмитрий — Мамай». Аналогия оказывается полной, если иметь в виду также, что и в том и другом случае ради смирения гордых и возвышения смиренных с Небес чудесно и таинственно была подана благодатная помощь: прежде в лице святого великомученика Меркурия Кесарийского (III в., память 24 ноября)⁷⁹, теперь в лице благоверных князей Бориса и Глеба.

Однако цитированный текст весьма интересен другой своей особенностью, а именно стремлением его автора к удвоению имен, которое явно согласуется с отличающей его нумерологической манерой повествования (в Киприановской редакции присущая тексту У гармония удвоения разрушена⁸⁰). Во-первых, подобного стремления не обнаруживают составители текста О Основной редакции «Сказания» и текстов Летописной и Распространённой редакций: также воспроизводя данную речь Киприана, они при этом лишь по одному разу упоминают Юлиана и Меркурия⁸¹. Во-вторых, при подобном стремлении автора У оказывается, что во всём его тексте имя Юлиан в качестве аналогии к имени Мамай встречается, как нарочно, четыре раза. Впервые в самом начале «Сказания», от лица повествователя: «Онъ же безбожннй царь нача рвеннемъ диаволимъ подвижимъ быти, пръвому отступнику царю Батыю и оному Ульяну въздревнова...»⁸² (в Киприановской редакции данное чтение отсутствует) — и в четвёртый раз в неизвестном по другим версиям памятника эпизоде о прибытии князя после победы в Коломну, а именно в его собственном историческом экскурсе

⁷⁶ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 42–43. То же: Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 244; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 100; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 97.

⁷⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 176.

⁷⁸ Там же. С. 144–145. То же: Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 229.

⁷⁹ Предание об этом чуде известно по ряду древних источников (Сергий (Спаский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. III: Святой Восток. Ч. 2 (Заметки). Владимир, 1901. С. 483). В данном случае, вероятно, использованы сведения, зафиксированные, например, «Летописцем Еллинским и Римским». Когда Юлиан Отступник был в Персии, Василий Кесарийский во сне увидел, как Спаситель повелел св. Меркурию убить этого царя. Исчезнув вдруг, Меркурий вновь появился перед престолом Христа и объявил о смерти Юлиана (Летописец Еллинский и Римский. Текст. СПб., 1999. Т. I. С. 311–312).

⁸⁰ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 54.

⁸¹ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 29. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 83–84; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 78.

⁸² Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 137. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 25; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 226; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 79; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 73.

во время беседы с «**архиепископом**», который есть повтор и близкая парафраза ранее услышанного им воспоминания Киприана («**Азъ бо, отче, велми от них смирихся, събралъ есмь злата много и послах противу ему. Онъ же паче възъярився на христианскую вѣру и на свою пагубу разжен диаволом. Тако, отче, случися в Кесарии великому Василию, егда отступникъ вѣры Христовы, закону попатель Ульянъ царь, иде ис Персъ на великаго Василья и хотяще разорити град его...**»). И знаменательно, что, говоря вслед за Киприаном о Юлиане Отступнике, Дмитрий Иванович четырежды повторяет имя его мистического победителя («...**Василии же помолися Богу со всѣми христианы, и собра злата много, и посла противу ему. И безбожныи же възъярився. И посла на него Господь Богъ война своего Меркүрия, и изби его Меркүрии Божиею силою съ всеми силами его. И үби Меркүрен** воиска его 900 кованые рати. Не токмо сам Меркүрен изби его, но аггели Божьи на помощь придоша ему»⁸³). Это воспоминание также является очевидной исторической параллелью: как некогда посланник Христа Меркурий, помогая Василию Великому, уничтожил гонителя христиан Юлиана, так теперь святые сродники Московского князя Борис и Глеб способствовали победе над нечестивым Мамаем. Но поскольку данный текст читается только в версии У, постольку в нём победа русских на поле Куликовом вновь предстает в мистико-символическом свете четверицы — дополнение, опять-таки вскрывающее системный подход книжника.

Очень важную семантическую нагрузку в тексте «Сказания о Мамаевом побоище» несут поэтические образы битвы как пира, которые принято связывать с воинской повествовательной традицией народно-эпического склада⁸⁴, но которые на самом деле автором произведения были переосмыслены в духе представлений об истинном стоянии за христианскую веру, о жертвенном служении Христу. При этом весьма знаменательно, что опять-таки только в варианте У Основной редакции памятника введение этих метафор-символов в рассказ организовано посредством четырёхкратного повтора. И надо сказать: как очевидна смысловая заданность подобных рефренов, так, вероятно, оправдан и их числовой код. Во всяком случае, трудно вновь не подумать о системности образного украшения сюжетно-композиционной структуры текста.

Так, четыре раза в ходе повествования о Мамаевом побоище появляется образ вкушения хлеба. И при этом значимо подвижна его иносказательная семантика.

1. Сначала — по связи с захватническими планами Мамаю и соответственно со значением тунейдского и грабительского насыщения с чужого стола: перед выступлением против Руси Мамай «**заповѣда всѣм үлүсомъ своимъ, яко да ни единъ не паши хлѣба и бѣдете готови на рускыя хлѣвы**»⁸⁵ (в Киприановской редакции этого чтения нет, а вот в Летописной редакции этот образ — в нарушение четверичной структуры — усилен повтором в речи русского разведчика Василя Тупика: «...**осени ждет, хощет бо на осень бытии на русские хлебы**»⁸⁶).

2. Далее — по связи с подготовкой князя Дмитрия Ивановича к отпору. И уже с иной смысловой нагрузкой. Вкушение хлеба есть теперь и споспешествование победе русских, и предзнаменование поминальной тризны об убиенных. Во время пребывания князя в Троицком монастыре после литургии «**моли его святын игүмень Сергии съ всею братиею, дабы вкусилъ хлѣба**», и хотя Дмитрий торопился, он всё же внял убеждению Сергия, остался на трапезу «**и вкуси хлѣба**», после чего получил благословение старца с предсказанием о победе и об уготованных многим его войнам смертных венцах⁸⁷.

⁸³ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 189.

⁸⁴ Трофимова Н. В. Древнерусская литература. Воинская повесть XI—XVII вв. С. 133—134.

⁸⁵ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 139. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 26; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 227; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 80; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 74.

⁸⁶ Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 85.

⁸⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 151. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 31; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 231—232; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 86; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 82. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 56.

3. Определяющее значение образ вкушения хлеба обретает в свидетельстве «Сказания» о новом благословении русскому воинству, полученном от преподобного Сергия перед самым началом битвы. На этот раз данное действо символизирует собой единение с Богом, является знаком евхаристического упования на помощь Божию воинам Христовым в их смертной борьбе. Ибо вместе с благословенной грамотой князь получил **«знамение от старца — посланныи хлѣвец богородичнии. Потребивъ же хлѣб святын, простеръ рѹци на небо, въспи величим гласомъ: Велико имя Пресвятыя Троица!...»**⁸⁸.

4. Наконец, о вкушении хлеба говорится как о благодарении за успех русского воинства в битве с Мамаем, причём, ещё раз повторяю, только в варианте У «Сказания». После победы князь Дмитрий Иванович вновь посещает преподобного Сергия. **«И тѹ слѹшавъ святыа анторгнн. И рече старецъ: Вкѹси, господине, хлѣба от нашей нищеты! Князь же великий послѹша его и вкѹси хлѣба ѹ святыа обители тоя, и въстав от трапезы, и повелѣ наяржатиcя всѣм...»**⁸⁹.

С образом вкушения хлеба прямо связан образ чаши. Опять-таки только в тексте У Основной редакции «Сказания» князь Дмитрий Иванович по случаю сражения с Мамаем произносит именно четыре речи, развивая в них тему чаши, прежде введённую в повествование самим автором, но введённую с традиционным эпическим смыслом смертного подвига ради славы: **«подвигошася... рѹстии сынове... яко медвеныа чаши пити и стевлия виннаго ясти, хотять себѣ чести добыти и славнаго имени»**⁹⁰ (в Киприановской редакции данное чтение отсутствует). В речах же Дмитрия образ чаши обретает уже значение добровольного смертного мученичества ради веры, осложнённое коннотацией причастия крови Христа:

1. Ночью перед самым боем: **«Братья моя милая, сынове христианстни... ѹтре бо имама вси пити общюю чашѹ, тѹ бо намъ имать Богъ повѣденая, ея же еще, дрѹзи мои, на Рѹси возжелѣша ѹповати на Бога живаго»**⁹¹ (в Киприановской редакции указанного чтения нет).

2. Утром перед началом боя: **«Братиа моа милая, противѹ доброи [вашей] речи не могу отвѣщати, мене бо вы ради вси подвигошася... мене бо ради единого общюю чашѹ имате пити...»**⁹² (в Киприановской редакции это чтение упразднено).

3. После боя перед телом погибшего Пересвета: **«Видите, братья началника, тон бо повѣди подобна себѣ, от того было многим пити горкѹю чашѹ»**⁹³.

4. Наконец, в Троицком монастыре после победы: **«Твои, отче, изволницы, мои слѹжебници, тѣми повѣдих врагы своа... А толко вы, отче, не твои въоружитель**

⁸⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 175. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 42; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 243; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 100; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 63; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 97.

⁸⁹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 194.

⁹⁰ Там же. С. 157. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 34; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 235. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 90; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 85.

⁹¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 170. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 39; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 241. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 97; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 94.

⁹² Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 176. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 42–43; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 244; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 100–101; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 97.

⁹³ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 185. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 47; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 249; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 105; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 101; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 101.

Пересвѣтъ, ино было вы, отче, многим христианом от того пити горькую чашу»⁹⁴. Ещё раз подчеркну: эта четвёртая речь и соответственно образ чаши отсутствует в других редакциях памятника, созданных в XVI в.

Вполне ясной семантикой обладает в «Сказании» и образ венцов. Однако, в отличие от образа чаши, он совершенно лишён народно-эпических смысловых оттенков и всецело связан с христианским представлением о мученичестве, святости и вечном блаженстве. Зато также введён в рассказ четырёхжды, хотя лексически обозначен более четырёх раз:

1. В пророческой речи преподобного Сергия к князю Дмитрию Ивановичу: «**Сне замедление сугубо ти поспешение будетъ! Не уже бо ти вѣнец сия повѣды носити, но впрядь будущихъ лѣтѣхъ, а инѣмъ уже мнози мѣ венцѣ плетутся!**»⁹⁵.

2. В авторском суждении о восприятии русскими природных знамений, случившихся по переправе через Дон: «**Правовирнии же челоуѣци паче процвѣтоша, радующеся и чающе свыше оногю обѣтования прекрасныхъ вѣнцовъ, о нихъ же прорече преподобныи Гергии**»⁹⁶ (в Киприановской редакции этого чтения, равно и образа, нет).

3. В речи Дмитрия Ивановича к воинам во время расстановки войск перед боем: «**Отцы и братия, Господа ради подвижитесь, святыхъ ради церквен и вѣры христианскыя! Сия бо смерть на живот вѣчныи! Ничто земнаго помышляйте! Не уклонимся убо на свое, о вонны, да вѣнцы повѣдными увяземся от Христа Бога, спаса душам нашим!**»⁹⁷ (из текста Киприановской редакции данное чтение исключено).

4. В рассказе некоего «самовидца» о чудесном явлении ему во время боя, когда он вдруг — «в шестую годину дни» — узрел, как из багряного облака протянулись к русским воинам руки и «каждо дрѣжаще вѣнцы, ова же яко проповѣдническа и пророческа, ины же яко нѣкия дарове. Егда же наставшу 6-му часу, мнози венцы от облака того отпустишася на главы христианския»⁹⁸ (в Ермолаевском списке нет самой подробности о венцах⁹⁹, а в Киприановской редакции и рассказа об этом видении в целом).

Между прочим, указанный здесь шестой час имел какое-то особое значение для составителя варианта У Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Действительно, помимо эпизода о видении венцов во время боя, он упоминает об этом часе как некоей вехе ещё три раза. Впервые — сразу вслед за рассказом о переправе русских через Дон (при этом, надо отметить, сохранившийся текст заметно испорчен): «**Вѣстници же прискоряють, яко приближаются напрасно безаконнии. Яко [в] 6-и час приближили [Семен Мелик] з дружиною своею. По нихъ же татарове толико гониша...**»¹⁰⁰ (в Киприановской редакции это чтение отсутствует). Далее в «Сказании» о шестом часе сообщается при описании дислокации русских войск: «**Начень же князь**

⁹⁴ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 193.

⁹⁵ Там же. С. 151. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 31; Сказание о Мамаевом побоище. Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 231–232; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 86; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 56; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 82.

⁹⁶ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 167. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 38; Сказание о Мамаевом побоище. Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 239; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 95; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 93.

⁹⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 174. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 41; Сказание о Мамаевом побоище. Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 243; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 99; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 96.

⁹⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 179. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 44; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 102; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 98.

⁹⁹ Сказание о Мамаевом побоище. Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 246.

¹⁰⁰ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 167. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 38; Сказание о Мамаевом побоище. Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 239; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 95; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 93.

великии... до 6-го часа полци учрежали»¹⁰¹ (в Киприановской редакции этого чтения нет). Следующее указание на шестой час касается уже, подобно свидетельству о чуде с венцами, кризиса в ходе сражения: «**Уже 6-му часу наставшу, Божиим попущением, а наших ради грѣх, начаша одолѣвати погани**»¹⁰² (согласно варианту О Основной редакции, это пришлось на седьмой час¹⁰³, в Киприановской же версии вообще нет собственно хронометрического указания¹⁰⁴). Таким образом, в рассматриваемом повествовательном варианте «Сказания» шестой час как особый (видимо, ключевой) момент дважды упоминается в контексте рассказа о изготовке русских к битве с Мамаем и дважды — в контексте рассказа об их последнем напряжении в борьбе с одолевающим противником. Иначе говоря, здесь сознание (внимание) читателя четырёхжды, как и посредством исторических аналогий или батальных метафор-символов, побуждается к какому-то ассоциативному представлению и мыслительной работе. Другими словами, образная структура литературного памятника по варианту У обнаруживает вполне отчётливую последовательность построения. Составитель этой версии явно любит повторы историко-ретроспективных, поэтических, хронометрических образов, но повторы обязательно четырёхкратные и повторы особенно значимых образов, которые, в сущности, раскрывают его собственную идейную трактовку описываемых им событий.

Однако системность создателя текста У проявляется не только в структуре образного обеспечения рассказа. Вообще вся структура данного литературного варианта, собственно алгоритм повествования, его сюжетно-композиционная организация подчинены принципу четверичности.

Между прочим, только данная версия «Сказания о Мамаевом побоище» среди прочих редакций XVI в. поддается полноценному (хотя и условному в силу нечёткости границ) делению на четыре части — введение, два основных раздела и заключение. Правда, на четыре же части можно поделить и Киприановскую редакцию, но в таком случае по составу и содержательно они окажутся заметно отличными от рассматриваемого текста, особенно в последнем разделе.

Введение (от начала «**Хощем, братие, начати брань новыя побѣды...**»¹⁰⁵ до слов «**Нынѣ же сего Олга Рязанского втораго Святополка нареку**»¹⁰⁶) посвящено врагам великого князя Дмитрия Ивановича. В нём речь идет о Мамае, его замысле «**Русью владѣти**» и створе Олега Рязанского с литовским князем Ольгердом (на самом деле, Ягайлом).

Вторая часть (от слов «**Слышавъ же то князь великий Димитрий Ивановичь, яко гредеть на нь безвожнн царь Маман...**» до обращения князя к княгине Евдокии «**Жено, аще Богъ по нас, то кто на нас?**»¹⁰⁷) повествует о духовной подготовке Дмитрия Ивановича к выступлению против Мамаея.

В третьей части (от слов «**И паки князь великы възиде на избранныи свои конь...**» до слов Дмитрия Ивановича к Владимиру Андреевичу и литовским князьям после приказа о возвращении домой: «**Слышавъ же то Олгердъ литовскии, что побѣди князь великий**

¹⁰¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 168. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 38; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 240; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 96; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 93–94.

¹⁰² Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 178. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 245; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 102; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 98.

¹⁰³ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 44.

¹⁰⁴ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 65.

¹⁰⁵ Конкретно в списке Унд. 578 варианта У, в отличие от других списков этого варианта, начало усечённое: «Подобаеть намъ повѣдати...».

¹⁰⁶ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 137–143. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 25–28; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 226–228; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 79–82; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 73–77.

¹⁰⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 143–155. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 28–33; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 228–234; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 83–89; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 77–84.

Дмитрии, Мамаа одоли»¹⁰⁸) описаны все военные действия: движение русских навстречу Мамаю, собственно битва, прощание с погибшими и конец Мамаю.

Заключение (от слов «И по семъ рече князь велики Дмитрии: Глава...» до конца «...и приде на град свои Москву, и сяде на своем княжении, царствуюя въ вѣкы»¹⁰⁹) представляет собой рассказ о триумфальном возвращении победителей домой. Схожий в некоторой части сведений рассказ содержит и Киприановская редакция (от слов «Таже посем глагола князь велики Дмитрей Иванович к брату своему, ко князю Владимиру Андреевичу...» до конца «...со многими дары ко царю Тохтамышу, и ко царицам его, и ко князем его»¹¹⁰).

Замечательно, что уже в первом разделе «Сказания» обнаруживается тяготение к структурной четверичности. Так, рассматривая факт ордынского нападения на Русь как результат «попущения Божия» «отъ навоженья дьяволя», автор прежде всего выражает своё общее отношение к этой реальности в самой общей форме, — парафразом библейской сентенции: «Господь же елико хощеть, то творить!»¹¹¹ (ср.: Пс. 113: 11; в Киприановской редакции означенной библейской сентенции нет). Но вот далее в его тексте, на легко обозримом повествовательном пространстве, этот общий тезис конкретизируется в авторских ремарках, причём именно четыре раза, — применительно к Батыю: «Ослѣплену же ему очима, того не разуми, яко Господу годѣ, тако и бысть»¹¹² (в Киприановской редакции данная ремарка автора отсутствует), Мамаю: «А не вѣдыи того, яко Господня рука высока есть»¹¹³ (в Киприановской редакции этого авторского замечания нет) и Олегу Рязанскому с Ольгердом Литовским: «Не вѣдяху бо, что помышляюще и что глаголюще, аки младыя дѣти несмысленныя не вѣдяху Божия силы и владычня смотраения»¹¹⁴ (в Киприановской редакции указанное утверждение опущено), «Они же скудни умомъ велми възрадовашеся о сѣтнѣ привитѣ безбожного царя, а не вѣдуще, яко Богъ власть даетъ, ему же хощеть»¹¹⁵ (в Ермолаевском списке Основной редакции означенной авторской оценки не обнаруживается). Другими словами, во вступительном разделе «Сказания» по версии У (и, видимо, как в первоначальном тексте) четырежды повторенным рефреном звучит ироническая констатация относительно глупости не понимающих промысла Божия врагов Руси.

В последующих трёх разделах рассматриваемого памятника литературы стремление книжника подчинять своё изложение принципу четверичной организации проступает заметно ярче.

Собираясь с духом на отпор Мамаю, московский князь ищет поддержку у авторитетнейших представителей Церкви. При этом в отличие от «Летописной повести» в «Сказании о Мамаевом побоище» сообщается именно о четырёх визитах Дмитрия Ивановича: сначала якобы дважды побывав у митрополита

¹⁰⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 156–187. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 33–48; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 234–250; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 89–107; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 84–102.

¹⁰⁹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 187–194.

¹¹⁰ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 69–72.

¹¹¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 137. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 25; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 226; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 79; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 73.

¹¹² Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 138. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 25; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 226. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 80; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 73.

¹¹³ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 138. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 26; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 226; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 73. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 80.

¹¹⁴ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 141. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 27; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 228; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 81; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 75.

¹¹⁵ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 142–143. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 28; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 82; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 52; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 76.

Киприана, он затем посещает преподобного Сергия и после того вновь встречается с Киприаном¹¹⁶. На удивление, и структура рассказа об этих визитах также хранит печать четверичности. Так, при описании первых двух встреч князя автор «Сказания» воспроизводит именно четыре митрополичьих речи к последнему. Сначала святитель адресует ему вопрос о причинах гнева Мамаю: «**Повѣжь ми, господине, чимъ еси к нему не исправилъся?**» и размышление о смирении вместе с советом попробовать сначала откупиться от Мамаю: «**Видиши ли, господине, попущениемъ Божиимъ, а нашимъ съгрѣшениемъ идеть пленити землю нашу... Ты же, господине, возми золото, еже имаши, пошли противу его**»¹¹⁷; затем вновь задаёт вопрос: «**Ты убо, господине, каковы обиды не сътворил ли еси имъ?**» (в Ермолаевском списке указанный вопрос опущен) и вновь даёт совет, только теперь совет сопротивляться: «**Гыну и господине, просвѣтився веселыма очима... именем Господнимъ противися имъ, и Господь в правду будетъ помощник...**»¹¹⁸. Подобно Киприану, с четырьмя речами лично к Дмитрию Ивановичу обращается и преподобный Сергий: 1) «**Сие замедление сугубо ти спешение будетъ...**» (см. выше), 2) «**Поиде, господине, [против супостат своих] Бог да будетъ ти помощникъ!**», 3) «**Имаши повѣдити враги своя, елико доваѣтъ твоему господству!**», 4) «**Се ти мон оружници, а твои изволници!**»¹¹⁹ (в Летописной редакции пять речей святого старца¹²⁰, в Киприановской — шесть¹²¹, в Распространённой — семь¹²²; к тому же содержание совпадающих речей воспроизведено иначе).

Аналогично в варианте У построен рассказ о последнем дне князя в Москве, выпавшем, согласно весьма кстати имеющемуся здесь уточнению, именно на четверг, то есть на четвёртый день седмицы (27 августа; Летописная редакция неправильно указывает здесь на 19 августа¹²³), если началом седмицы считать понедельник, а не воскресенье. День этот князь провёл в молитвах. Соответственно повествователь воспроизводит четыре молитвенных монолога князя (в Киприановской повествовательной версии вообще не сообщается о молениях Дмитрия Ивановича¹²⁴), при этом, кстати, подчиняя их структурное построение числовому коду соответственно общей нумерологической организации своего повествования.

Три были произнесены им в Успенском соборе. Первая молитва перед образом Спасителя: «**Господи, Боже нашъ, владыко страшный и крепкыи, воистинну бо ты еси царь славы! Помяни насъ грѣшныхъ! И остави насъ! И не отступи от насъ! Буди, Господи, обидящимъ насъ! И возбрани борющаа насъ! Прими оружие и щитъ! И въстани в помощь мнѣ! Дай же ми, Господи, повѣду на противныя враги, да ти познаютъ славу твою!**»¹²⁵ (восемь императивов). В Летописной редакции данный текст, однако, разделен на два текста¹²⁶. Вторая молитва перед образом Богородицы: «**О чудотворнаа Госпоже, царице всея твари и человѣческаа заступнице, тобою бо познахом истиннаго Бога нашего, въплотьшагося и рожьшагося от тебе! Не даждь в разорение града сего поганым еллиномъ, да не осквернятъ святыхъ церквен и вѣры христьянскыя! На тя**

¹¹⁶ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 144, 146, 150–151, 152. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 28, 29, 30–31; Сказание о Мамаевом побоище. Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 229, 230, 231, 232; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 83–84, 86–87; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 53–54, 56–57; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 77, 78, 82, 83.

¹¹⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 144–145.

¹¹⁸ Там же. С. 146.

¹¹⁹ Там же. С. 151–152.

¹²⁰ Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 86–87.

¹²¹ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 56–57.

¹²² Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 82–83.

¹²³ Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 87.

¹²⁴ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 57.

¹²⁵ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 153. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 31–32. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 232; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 83.

¹²⁶ Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 87.

во надѣмся, еже в молитвахъ къ **Гыну** твоєму, яко твои есмь раби! **Вѣм[ы]**, Госпоже, яко хочещи и можещи намъ помощи на противныя враги, иже не призираютъ имени твоего!»¹²⁷ (четырёхчастность по смыслу и цели высказывания). Третья молитва перед образом святого митрополита Петра: «**О чудотворный святителю Петре, по милости Божии чудеса дѣеши непрестанно! Нынѣ приспѣ ти время молитися о насъ къ общему Владыцѣ всѣхъ насъ! Нынѣ ѹбо сугубо ополчишися супостати погани на градъ твои Москву! Въ оружии крестъ! Тевѣ бо Господь намъ прояви, послѣднему роду нашему! Вжегъ тя на свѣщници высоци! Тевѣ бо о насъ подобаетъ молитися! Ты бо еси стражъ нашъ крѣпкыи отъ противныхъ нападенни, яко твоя есмь паствина!**»¹²⁸ (восемь возгласов).

Четвёртая же молитва была прочитана князем в Архангельском соборе над «гробом» «**православныхъ князе и и прародитель**», и двойной её строй гармонирует в плане пропорции со структурой первых трёх молитв: «**Истинныи хранители и православию поборници, аще имате дръзновение ѹ Бога, помолитесь о нашемъ ѹнынии, яко велико вѣстание приключися намъ и чадомъ вашимъ! И нынѣ подвижайтесь с нами!**»¹²⁹ (в Распространѣнной редакции этот текст отсутствует¹³⁰).

Автор «Сказания» в версии У Основной редакции и далее в ходе своего изложения реализует принцип нумерологической организации повествования, видимо, как рефлекс собственного представления о должном церемониальном поведении героя и о его этикетном отношении к соратникам. Подобно сюжетно-композиционной схеме рассказа о духовной подготовке московского князя построен и рассказ о том, что и как происходило после сражения.

В самом деле, вслед за описанием битвы в исследуемом произведении рассказывается о поисках и нахождении великого князя, которого не оказалось «**в полку**». И любопытно, что при этом в тексте У воспроизведены четыре речи Владимира Серпуховского — два вопроса к воинству: «**Братиа моя, кто ѹвѣда или кто слыша своего пастыря? Аще ли же преже пораженъ пастырь развѣдутся овци, кому сиа честь довлѣетъ?**»¹³¹ (в тексте О и в Распространѣнной редакции эта речь разбита на две¹³²), «**Братья и друзи, аще кто обрящеть брата моего жива, то поистинне в первыхъ бѹдетъ ѹ насъ!**»¹³³ и два обращения к Дмитрию Ивановичу: «**Радѹсия, княже нашъ... сиа же повѣды честь тевѣ довлѣтъ!**»¹³⁴ (в тексте О, а также в Летописной и Распространѣнной редакциях эта речь от лица всех князей и воевод¹³⁵, а не от лица только Серпуховского князя), «**Милостию Божиєю и пречистыя его Матери и молитвы к Богу сродникъ**

¹²⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 153. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 32. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 233; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 87—88; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 83—84.

¹²⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 154. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 32; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 233; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 88; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 84.

¹²⁹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 155. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 32; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 233; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 88.

¹³⁰ Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 84.

¹³¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 182. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 247; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 103—104; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 66.

¹³² Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 100.

¹³³ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 183. То же: Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 247. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 100; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 66.

¹³⁴ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 183. То же: Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 248. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 67.

¹³⁵ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 100.

наших, святых страстотерпец Бориса и Глѣба, и молением святителя Петра и способника нашего и въоружителя Сергия, тѣхъ всѣхъ святыхъ молитвами повѣжени сѣтъ врази наши, мы же спасохомся!»¹³⁶). Эпизод также содержит четыре речи тех, кто был причастен к обретению великого князя, — литовских князей: «Мы мним, яко живъ есть, ѹязвленъ велми. Бѣгда в трупѣ мертвыхъ бѣдетъ?»¹³⁷; некоего воина: «Азъ видѣхъ его въ 5 часъ бьющеся палицею своею желѣзною крѣпко, послѣ того еще видѣхъ бьющеся съ четырьме печениги, належахуть бо ему велми иные»¹³⁸ (в Ермолаевском списке Основной редакции и в Распространѣнной редакции эта речь разбита на две как принадлежащие разным свидетелям¹³⁹); Стефана Новосельского: «Азъ видихъ его передъ самимъ приходомъ твоимъ, пѣша идуща с побонища, ѹязвлена велми, того ради не могахъ ему помощи — гонимъ бѣхъ трѣми татарины. Но милостию Божиею едва от нихъ спасоухся, а много пострадахъ от нихъ!»¹⁴⁰; Федора Сабура: «Князь великий здравъ есть, царствуетъ въ векъ!»¹⁴¹ (в Летописной редакции текст этой речи сокращѣн и передан в косвенной, а не прямой форме¹⁴², а в Киприановской редакции опущен¹⁴³). Наконец, завершается эпизод четырьмя речами самого узнавшего о победе Дмитрия Ивановича — трѣмя в виде молитвенныхъ возгласов: «Бни день, иже сътвори Господь, възрадуемъ и возвеселимся в онь!»¹⁴⁴, «Вси веселитесь, людие! Велии еси, Господи, и чудна сѣтъ дѣла твоя: вечеръ въдворитъ плачь и заутра радость!»¹⁴⁵ (в Киприановской редакции текст этой молитвы значительно распространѣн¹⁴⁶), «Хвалю тя, Боже мой, и почитаю имя твое святое, яко не далъ еси насъ в погибель врагомъ нашимъ, не далъ еси похвалы иному языку, но суди, Господи, по правде твоеи. Азъ же въ вѣки ѹповаю на тя!»¹⁴⁷ (в Ермолаевском списке и Летописной редакции этот текст

¹³⁶ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 183. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 248; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 100; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 67.

¹³⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 182. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 247; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 100. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 66.

¹³⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 182. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 66.

¹³⁹ Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 247; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 100.

¹⁴⁰ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 182–183. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 247; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 100. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 66.

¹⁴¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 183. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46. Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 248; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 100.

¹⁴² Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104.

¹⁴³ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 66.

¹⁴⁴ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 183–184. То же: Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 248; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 67; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 100. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46.

¹⁴⁵ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 184. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 248; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104; Сказание о Мамаевом побоище. Распространѣнная редакция. С. 100.

¹⁴⁶ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 68.

¹⁴⁷ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 184. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46.

оформлен как два возгласа князя¹⁴⁸, в Киприановской отсутствует¹⁴⁹, а в Распространённой заметно развит¹⁵⁰) и одной в виде обращения к Боброку-Волынцу: **«Вонстиницъ, Дмитрие, не ложь твои при мѣты! Подобаеет ти всегда воеводою быти!»**¹⁵¹ (в Киприановской редакции текста данной речи нет¹⁵²).

После этого князь Дмитрий Иванович скорбно объезжает Куликово поле и четырежды останавливается в разных местах, произнося краткие панегирики убитым воинам, — князьям белозерским и Микуле Васильевичу: **«Братиа моя, князи рустии, аще имате дръзновение, Господа помолите о нас! Вѣдѣ бо, яко послушает вас Богъ, аще с вами вкупѣ будемъ»;** Бренку и другим: **«Брате мои возлюбленнии, мене ради ѹбиенъ еси! Кто бо таковъ государя дѣля самъ на смерть дая? Подобенъ же вѣ иже от полку Дарьева перскаго, тои тако сътвори»;** Семену Мелику: **«Крѣпкыи мои стражь, твердо пасомыи есмя тобою!»;** Пересвету: **«Видите, братья...»** (текст приведён выше)¹⁵³. Однако на эти свои четыре прощально-хвалебственных речи к мёртвым великий князь сам же откликается новыми четырьмя речами к живым, выражающими его благодарность, печаль и попечительную заботу, а именно к войску: **«Братья мои, князи рустии, бояри мѣстныи и сынове всея Русии, вам подобаеет служити, а мнѣ васъ хвалити и по достоянню почестити, внегда почести мене Господь Богъ. А бѹду на столѣ, то имам вас даровати»;** к князю Владимиру Андреевичу: **«Грозно бо, брате, в то время посмотри: лежит трупъ христьянскыи, аки сѣннѣи стоги, а Донъ рѣка кровию текла 3 дни, а рѣка Мечь вся запрудилася трупом тотарскимъ»;** к войску же: **«Считайте, брате, коликух ѹ насъ воеводѣ нѣтѹ, колко молодыхъ людии!»** и опять к войску после подсчёта убитых: **«Нынѣ сиа ѹправим: кождо ближняго своего да сохранитъ, не дадим в снѣдение зверем христьянскаа телеса!»**¹⁵⁴.

Между прочим, в варианте О речи Дмитрия Ивановича перед телами конкретно названных убитых воинов предварены его ещё одним, общим обращением ко всем убиенным: **«Братиа, русская сынове... Положили есте главы своа... за православное христьянство!»**¹⁵⁵. А вот из числа обращений к живым здесь наличествует лишь первая речь князя, причём явно дополненная за счёт четвертой: **«Братиа мои, князи рускыи и воаре... имам по достоянню даровати вас. Нынѣ же сиа ѹправим: койждо ближняго своего похороним, да не бѹдѹтъ звѣрем на снѣдение телеса христьянскаа!»**, а также его приказ подсчитать потери: **«Считайтесе, братие...»**¹⁵⁶. Такой же — усечённый — состав княжеских речей к живым содержат Ермолаевский список Основной редакции и Летописная с Распространённой редакции¹⁵⁷. Что же касается Киприановской редакции, то в ней произведены ещё большие сокращения¹⁵⁸.

Иными словами, чётко четверичная структура княжеских монологов (в сущности, подводящих итог битве) отличает только текст варианта У «Сказания».

¹⁴⁸ Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 248; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 104–105.

¹⁴⁹ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 68.

¹⁵⁰ Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 100–101.

¹⁵¹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 184. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 46; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 248; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 105; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 101.

¹⁵² Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 68.

¹⁵³ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 184. То же: Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 248–249; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 105; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 101.

¹⁵⁴ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 185–186.

¹⁵⁵ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 47. То же: Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 101.

¹⁵⁶ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 47.

¹⁵⁷ Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 249; Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. С. 105–106; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 101–102.

¹⁵⁸ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 68–69.

Ещё более стройна в нумерологическом отношении последняя часть рассматриваемой повествовательной версии, почти полностью оригинальная, как уже отмечалось.

Начинается она опять-таки с воспроизведения четырёх речей Дмитрия Ивановича.

Первая речь князя содержательно выражает его готовность оставить место великой беды и великого торжества. Функционально это отходная молитва: «**Слава и нынѣ, Господь Богъ, помилуй нас грѣшных! А вамъ, братие... суженое мѣсто mezi Доном и Днeпра, на полѣ Куликови и на рѣчки на Непрядни. А положили есте головы своя за святыя церкви, и за землю Рускую, и за вѣру христіанскую. Простите, братья, от мала и до велика, в сем вѣци и в будуще!**»¹⁵⁹ (текст этой речи более развит в варианте О¹⁶⁰ и искажён в Ермолаевском списке¹⁶¹; в Летописной редакции его уже нет).

Вторая речь Дмитрия Ивановича представляет собой приказ Владимиру Андреевичу: «**Пондемы, брате, в свою землю Залискую, к славному граду Москви! И сядем, брате, на своем княжении и на своем отчине и дѣдине! А чести емя собѣ укупили, славного имени!**»¹⁶²

Третья княжеская речь к Владимиру Андреевичу и литовским князьям воспроизведена в виде учительного афоризма: «**Братна моя милаа, пѣнию время, а молитвѣ час!**»¹⁶⁵.

Четвёртая речь к войску, распорядительная: «**Аще же кто идетъ по Рязанской земли, то ни единъ же ни власу не коснитесь!**»¹⁶⁴.

Следующие четыре речи князя воспроизведены в тексте У по случаю его встреч с иерархами Церкви и со своей семьей, то есть отражают торжественность имевшего место церемониального акта.

Первая речь к «**архнепископу**» в Коломне является изъяснительной по содержанию: «**Азъ бо, отче, велми от нихъ смирихся... но аггели божьи на помощь придоша емю**»¹⁶⁵. Она рассмотрена выше в связи с четвёртым и последним упоминанием во всём тексте У имени Юлиана Отступника и четырёхкратным повторением в ней имени святого Меркурия как исторических примеров борьбы христианства с нехристианством.

Вторую речь — также изъяснительную — триумфатор адресовал митрополиту Киприану в Андрониковом монастыре: «**Азъ, отче, велми пострадахъ за вѣру и за великую обиду. И дасть ми Господь Богъ помощь отъ крѣпкия своа рѣки. И молитвою святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба и игумена Сергия, въоружителя нашего, въоружениемъ спасохомся**»¹⁶⁶.

Третья речь в виде благодарственной молитвы произнесена князем там же, в Андрониковом монастыре, перед образом Спаса Нерукотворного: «**Образ Божьи нерукотвореныи, не забуди нищихъ своихъ до конца, не предад еси насъ врагомъ нашимъ в покорение! И да не порадуются о нас!**»¹⁶⁷.

Наконец, встретив «**во Фроловскихъ вратахъ**» княгиню Евдокию и своих детей, князь воскликнул «**Яко вы царствуете въ вѣки!**»¹⁶⁸, этими библейскими словами (Исх. 15: 18; Пс. 145: 10; Прем. 3: 8; Прем. 6: 21; Лк. 1: 33; Откр. 11: 15; 22: 5) как бы предрекая прочность своего властного наследия.

Далее Дмитрий Иванович, в угоду представлениям составителя варианта У о сюжетно-композиционной симметрии повествования, откликается на собственные молитвенные размышления, с

¹⁵⁹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 187.

¹⁶⁰ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 48.

¹⁶¹ Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 249–250.

¹⁶² Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 187.

¹⁶³ Там же. С. 187.

¹⁶⁴ Там же. С. 188.

¹⁶⁵ Там же. С. 189.

¹⁶⁶ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 190–191.

¹⁶⁷ Там же. С. 191.

¹⁶⁸ Там же.

которыми он совсем недавно оставил Москву ради смертной борьбы с Мамаем. По возвращении домой он благодарственно припадает к святыням. Соответственно в рассматриваемом тексте воспроизведены четыре эвхологических монолога князя. Две молитвы он прочитал в Архангельском соборе, перед образом Архистратига Михаила: «**Заступник еси во вик!**» и перед гробницей его «сродников»: «**Вы есте наши пособници и наши молебници къ общему Владыцѣ! Вашими молитвами велии спасохомся от супостат наших**»; и две — в Успенском соборе, перед образом Богоматери: «**Госпоже царице, христианская еси заступнице, тобою есмь познахом истиннаго Бога!**» и перед гробом святителя Петра: «**Ты еси, преблажене Петре, спаситель нашъ крѣпкын, твоя есмь паствина, и прояви нам тебе Господь Богъ, послѣднему роду нашему, и вжегъ тя нам свѣщю неугасимую. И твоею есмь молитвою велии пострадохом и повѣдихом своя враги**». Мистическим образом — в это же «время» — в Троицком монастыре молитвенным речам Дмитрия Ивановича вторили, по свидетельству автора текста У, четыре провидческих речи преподобного Сергия к братии о возвращении русских с победой: «**Вѣсте ли, братна моа...**», «**Князь великын здрав есть...**», «**Братна, силнии наши вѣтри...**», «**Азъ есмь вамъ проповедах...**» (полный их текст см. выше)¹⁶⁹.

Остается только отметить, что все четырёхкратно повторяющиеся в «Сказании», особенно по варианту У, монологи довольно последовательно маркированы предваряющим их глаголом «**рече**». Соответственно такой неизменный лексический повтор придаёт повествованию своеобразное ритмическое течение и стилистическое постоянство.

Выявленная особенность сюжетно-композиционного построения текста — посредством изоморфной и потому гармоничной в структурном отношении переключки речей и действий разных персонажей, посредством однообразия стилистических приёмов — прекрасно отражает, например, антифонный принцип организации богослужебного последования вообще, которое характеризуется именно ритмичным чередованием разных молитвенных партий в виде возгласов, чтений, стихословий и песнословий. А в целом поэтико-архитектоническая специфика рассмотренного повествовательного варианта со столь планомерно выстроенным комплексом уточняющих, образных, структурно-стилистических повторов, во всяком случае, обличает составителя такового как искусного конструктивиста.

Как видно, текст варианта У Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» обнаруживает вполне системный авторский подход к изложению. Спрашивается, чем обусловлено это стремление вновь и вновь вводить в рассказ в качестве повествовательной подробности число 4; чего ради столь последовательно реализуются одни и те же нумероформы, так сказать, умозрительный алгоритм квадришемы; почему обязательно вносятся необходимые поправки в тех случаях, когда в других версиях памятника отсутствует соответствующая числовая деталь, равно как и четвёртое звено той или иной структуры?

Отвечая на эти вопросы, нужно учитывать, на мой взгляд, следующее.

Прежде всего, важны показания основополагающего для всей христианской культуры источника — Библии. Действительно, число 4 (и кратные ему) как деталь рассказа является заметным элементом Священного Писания¹⁷⁰. И в отдельных случаях его значение как бы связывается с некоей тайной, определяет нечто таинственное, символически соотносится со сферой сокровенного, с комплексом неких отвлечённых идей или представлений об идеальном, которые, во всяком случае, отражают Божественное предумышление о мире. Таков, например, рассказ о видении пророком Иезекииелем херувимов в образе таинственных животных: их было четыре, у каждого имелось по четыре лица, четыре крыла и четыре колеса (*Иез. 1: 4–18; 10: 10–22*). Нумерологически аналогичные мистико-символические описания имеются также в «Книге пророка Даниила» (гл. 7: 2–17) и в «Откровении святого Иоанна Богослова» (гл. 4: 6–8; 9: 13–15). Особенно показательны мистические прозрения Апокалипсиса: «...**видел я четырёх Ангелов, стоящих на четырёх углах земли, держащих четыре ветра земли...**»

¹⁶⁹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 192–193.

¹⁷⁰ Симфония, или Алфавитный указатель к Священному Писанию. Корнталь, 1971. С. 116, 121, 1245–1246.

(Откр. 7: 1), «Город расположен четверугольником, и длина его такая же, как и ширина...» (Откр. 21: 16). По мнению толкователей, число 4 в подобных случаях символизировало понятие о полноте и законченности¹⁷¹, являлось образом «спокойного исторического развития христианского мира», — по существу, образом христианства¹⁷²; указывало «на совершенство, устойчивость и постоянство»¹⁷³. Несомненно, исходя именно из такого представления о четверице святой Ириней Лионский полагал принятое Церковью количество «Евангелий» самодостаточным: «Невозможно, чтобы Евангелий было числом больше или меньше, чем их есть. Ибо так как *четыре* страны света, в котором мы живем, и *четыре* главных ветра и так как Церковь рассеяна по всей земле, а столп и утверждение Церкви есть Евангелие и Дух жизни, то надлежит ей иметь *четыре* столпа, отовсюду веющих нетлением и оживляющих людей... Четверовидны животные (имеются в виду херувимы Иезекииля. — В. К.), четверовидно и Евангелие и деятельность Господа. И поэтому даны были человечеству *четыре* главных завета: один при Адаме до потопа, другой после потопа при Ное; третий — законодательство при Моисее, четвёртый же, обновляющий человека и сокращающий в себе всё, — чрез Евангелие...»¹⁷⁴.

Во-вторых, следует принять во внимание знаменательный смысл использованных в «Сказании» образов хлеба, чаши и венцов. Ведь в контексте христианского учения и церковной практики хлеб является символом вечного бытия: «**Аз есмь хлеб жизни**» (Ин. 6: 35); чаша — символом страдания или спасения: «**Отче мой, аще возможно есть, да мимоидет от мене чаша сия!**» (Мф. 26: 39), «**Чашу спасения примлү и имя Господне призовү**» (Пс. 115: 4)¹⁷⁵; а вместе хлеб и чаша знаменуют Спасителя и единство с Ним: «**Ядүщим же им, прием Исүс хлеб и благословив преломи, и даяше үчеником, и рече: Примите, ядите, сие есть тело мое. И прием чашү, хвалү воздав, даде им, глаголя: Пийте от нея вси. Сия бо есть кровь моя Новаго Завета, яже за многия изливаемая во оставление грехов**» (Мф. 26: 26-28). Что же касается венца, то он символизирует царство небесное: «**Бүди верен даже до смерти, и дам ти венец живота**» (Откр. 2: 10) или же дар нетления за мученичество: «**Мүченицы твои, Господи, во страданиях своих венцы прияша нетленные от тебе Бога нашего...**» (тропарь мученикам 4 гласа¹⁷⁶). Учитывая данную семантику, вполне правомерно полагать, что в представлении автора «Сказания» эти образы — и четырёхкратно, напоминая, подчёркнутая с их помощью идея приобщения — символически поддерживали его прямые утверждения о мученическом стоянии русичей за веру, о смертной борьбе христианства с нехристианством.

В-третьих, нужно опираться на подсказки, оставленные автором «Сказания о Мамаевом побоище» чаще всего, видимо, сознательно. Так, всё же главным символом описываемой им борьбы являлся образ креста¹⁷⁷. Этот образ буквально наполняет повествование. И совсем не случайно, видимо, утверждение последнего, что битва на Куликовом поле произошла в пятницу (в отличие от среды, как ошибочно сообщается в краткой редакции «Задонщины»¹⁷⁸, или от субботы, как правильно сообщается в

¹⁷¹ Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. С иллюстрациями / Изд. преемников А. П. Лопухина. Пб., 1909. Т. VI. С. 204. См. также: Словарь библейского богословия / Под ред. К. Леон—Дюфура и др. Брюссель. 1974. Стб. 1257.

¹⁷² Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. С иллюстрациями / Изд. преемников А. П. Лопухина. Пб., 1913. Т. XI. С. 543.

¹⁷³ Там же. С. 605.

¹⁷⁴ Ириней Лионский. Исследование и опровержение лжеименного знания. Кн. III: Против ересей // Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Брюссель, 1978. С. 657, 658.

¹⁷⁵ Этот стих в качестве «причастного», между прочим, поётся именно по богородичным праздникам (см.: Настольная книга священнослужителя. М., 1977. Т. I. С. 280). То есть пелся и в день битвы на Куликовом поле.

¹⁷⁶ Псалтирь следованная. М., 1978. Ч. 2. С. 307.

¹⁷⁷ Салмина М. А. К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРА. СПб., 2004. Т. 56. С. 261–262.

¹⁷⁸ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 90.

«Летописной повести»¹⁷⁹ и пространной редакции «Задонщины»¹⁸⁰). Ведь пятница — это день седмицы, посвящённый славословию Креста Господня¹⁸¹.

В «Сказании» не раз поход Дмитрия Ивановича против Мамаея сравнивается с подвигом Моисея, выведшего некогда древних евреев из Египта. Но «Служба» празднику Рождества Богоматери (как раз совершавшаяся в день битвы и победы) содержит, например, катавасию: **«Креста начертав Моисей, впрямо жезлом Чермное пресече, израилю пешеходящу...»**¹⁸², в которой это библейское событие вспоминается как прообразование спасения человечества через Крест.

Согласно памятнику, критическое положение для русских на поле Куликовом пришлось на шестой час дня (в отличие от «Летописной повести», трактующей таковой только как начало сражения¹⁸³). Но шестой час есть время внезапного наступления тьмы на земле после распятия Иисуса Христа на Голгофе (Мф. 27: 45; Мр. 15: 33; Лк. 24: 44), осознаваемое, видимо, как момент решающий в истории крестного мученичества Спасителя и искупления человечества (см., например, тропарь последования 6-го часа: **«Иже в шестый день же и час на кресте пригвождей в ран дерзновенный Адамов грех и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас!»**¹⁸⁴). Вот почему, вероятно, составитель варианта У сопрягает крайне тяжёлое испытание русских на Куликовом поле именно с 6-м часом и именно четырёхжды — в отличие, как показано выше, от других версий произведения.

По «Сказанию», русские, одержав победу над Мамаем и похоронив убитых, ушли с поля Куликова в день Крестовоздвижения (о чём, между прочим, умалчивает «Летописная повесть»). Кроме того, победа Дмитрия Ивановича не раз сопоставлена с победами народа израильского над амаликитянами и императора Византии Константина Великого над римским императором Максенцием. Но это все темы «Службы Воздвижению честнаго и животворящего Креста», например, «Анатолиевых стихир»: **«Честнаго креста, Христе, действо прообразив Моисей, поведи противнаго Амалка в пустыни Синайстей, егда бо простираше рuce, креста образ творя...»** или **«Светосиянен звездами образ предпоказа, кресте, победу одоления, благочестивому царю великому, его же мати Елена изобретши, мироявленна сотвори...»**¹⁸⁵. К тому же, собственно крест как образ и знак, упоминаемый в указанных стихирах и пронизывающий весь текст «Сказания», гимнографами трактовался именно как **«четвероконечная сила»**, **«победы на сопротивных дарующая»**, как **«оружие великое Христово»**, посекающее тьму **«четвероконечного мира»**¹⁸⁶, как **«четверочастное»** победное освящение **«четвероконечного мира»**¹⁸⁷.

Анализируемый памятник, кроме того, вполне явственно отличает ещё и тема Богоматери. Действительно, к образу пречистой Девы, согласно варианту У Основной редакции произведения, Дмитрий Иванович молитвенно припадает дважды — перед выходом из Москвы и с возвращением домой. Он также, уже изготовившись непосредственно к битве, приобщается богородичной просфоры и вспоминает о небесном покровительстве Заступницы: **«Велико имя пресвятая Тронца! Пресвятаяа госпоже Богородице, помогаи [нам] тоа молитвами — преподобнаго игумена Сергия!»**¹⁸⁸. После победы русские воины наряду с тропарями Кресту и мученикам, ликуя, поют

¹⁷⁹ Там же. С. 10, 23, 35, 73.

¹⁸⁰ Там же. С. 101, 115, 129.

¹⁸¹ Дебольский Г. С., *прот.* Православная церковь в ее таинствах, богослужении, обрядах и требах. М., 1994. С. 263.

¹⁸² Минея. Месяц септемврий. Киев, 1894. Л. 79 (8 септември).

¹⁸³ Пространная летописная повесть // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 20.

¹⁸⁴ Час шестый // Псалтирь следованная. Ч. 2. С. 154.

¹⁸⁵ Там же. Л. 141 об. (14 септември).

¹⁸⁶ Псалтирь следованная. Ч. 2. С. 396, 398.

¹⁸⁷ Минея. Месяц септемврий. Л. 147 (14 септември).

¹⁸⁸ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 175. Ср.: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. С. 42; Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку. С. 243; Сказание о Мамаевом побоище. Распространённая редакция. С. 97; Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция. С. 63.

тропари «богородичны»¹⁸⁹. Такими же тропарями митрополит Киприан провожает победителей в Москву из Андроникова монастыря¹⁹⁰, куда, кстати, последние пришли «**на праздник святѣй Богородици**»¹⁹¹, то есть на Покров. Так что весь поход Дмитрия Ивановича против Мамаю осуществился под сенью попечения Царицы небесной о Русской земле. И на это настоятельнее прочих версий литературного памятника указывает именно текст У. Но в XVI столетии, когда последний был создан, в русском богословии бытует (не получившее впоследствии развития) учение о Богоматери как четвертой после Троицы божественной силе. Более того, эту божественную совокупность, например, Еромолай Еразм в своей «Книге о Троице» называет даже «**четвероконачной силой**»¹⁹², находя полное соответствие ей в четверичном устройении мира (стороны света). Конгениальность божественного и тварного отражена также, по убеждению Еразма, в имени первого человека «**Адамъ**», которое состоит из четырёх букв: «**аз**» — от востока, «**добро**» — от запада, «**мыслете**» — от севера и «**ер**» — от юга и которое соответственно предзнаменовало собою то, что в будущем «**от четверобоженныя Матери плотию родится второй Адам и четвероименнаго словесы, древом умерщвленнаго Адама четвероконачною своего крестнаго древа силою оживит**». Отсюда в плане Божия домостроительства о мире Богоматерь является причиной Креста как Орудия спасения: «**Се бо и тогда четвероконачная сила: тою кровию крест вообразися и в прехождении моря крест явися**»¹⁹³.

Наконец, в «Сказании», по склонности автора к соотношению описываемого с прошлым, литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи сравнивают русское войско с войском Александра Македонского¹⁹⁴. К тому же, и сам текст собственно версии У часто переписывался грамотниками вкупе с повествованием об этом знаменитом древнем полководце, — а именно вместе с текстом сербской редакции «Александрии»¹⁹⁵ и, что особенно важно, подвергся известному влиянию со стороны последнего¹⁹⁶. Но ведь как раз в указанном переводном памятнике литературы, по весьма симптоматичному совпадению, число 4 многократно и удивительно последовательно сопровождает образ главного героя, ассоциативно-символически поддерживая художественное представление о его мужестве, мудрости, справедливости, непобедимости и вместе с тем подвластности законам бытия¹⁹⁷.

Итак, все отмеченные литературные и внелитературные факты и соответствия, на мой взгляд, вполне могли оказать влияние на идейно-эстетические вкусы составителя варианта У Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Во всяком случае, используя четверичность как принцип организации повествования и, вероятно сопрягая символическую семантику числа 4 с образом князя Дмитрия Ивановича, победителя врага Христова Мамаю, он как писатель имел чем питать свою творческую фантазию. Как бы то ни было, но представляется несомненным и очевидным, что отличающая рассмотренный текст нумерологичность композиционной структуры и повествовательных деталей вполне конгениальна и авторским идейно-художественным установкам, и соответственно свойственной вообще «Сказанию», что не раз отмечали исследователи, содержательно-стилистической специфике, — теологичности и провиденциализму умозрения автора, литургичности и риторизму его литературной манеры.

¹⁸⁹ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 185.

¹⁹⁰ Там же. С. 191.

¹⁹¹ Там же. С. 190.

¹⁹² См.: Ржигя В. Ф. Литературная деятельность Еромолая—Еразма // *Летопись занятий Археологической комиссии*. Л., 1926. Вып. 33. С. 147.

¹⁹³ Там же. С. 148.

¹⁹⁴ Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). С. 169.

¹⁹⁵ «Александрия сербская» // ПЛДР: Вторая половина XV века / подг. текста Е. И. Ванеевой. С. 22–172.

¹⁹⁶ Петров А. Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2005. № 2 (20). С. 54–64.

¹⁹⁷ Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб., 2000. С. 89–99.